

An impressionistic landscape painting with a focus on light and color. The scene depicts a valley or a path winding through a hilly area. The sky is filled with soft, blended colors of blue, white, and yellow, suggesting a bright, hazy day. The ground and hills are rendered with visible brushstrokes in shades of blue, green, and brown, creating a sense of movement and texture. The overall mood is serene and atmospheric.

Кардамон Чили

Мраморная роза

Кардамон Чили
Мраморная роза

«Издательские решения»

Чили К.

Мраморная роза / К. Чили — «Издательские решения»,

«Мраморная роза» — книга, являющаяся предысторией трех людей, чьи жизни после переплетутся в кровожадном союзе. Ошибки, начало начал, отсутствие злобы и ярости главной героини, все то, что важно показать, прежде чем добрая, ясная душа исказится от боли, ненависти и одиночества. Любовь двух мужчин, чья натура испорчена до самого основания.

© Чили К.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	12
Часть 2	13
Глава 6	13
Глава 7	16
Глава 8	18
Глава 9	19
Глава 10	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мраморная роза

Кардамон Чили

© Кардамон Чили, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Глава 1

В комнате блестели один за другим солнечные зайчики. Переливаясь, они украшали красивую резную мебель с большим количеством оббитых рамок и альбомов на ней, отвечивали по зеленоватым обоям и скрывались в тени домашних цветов. Сегодня, как и вчера, и неделю назад, пекло яркое летнее солнце, заставляя детей улыбаться, а взрослых, идущих на работу, наоборот злиться от скатывающегося по лбу пота.

За окном лаяли собаки и периодически щебетали птицы. Ни человеческих голосов, ни рычания машин не было слышно. Вся происходящая тишина клонила в сон, что как раз показывала на деле маленькая девочка, лежащая на кровати.

Кукольное детское личико было украшено веснушками и мелкими царапинами от кустовых веток, пушистые ресницы подрагивали от ярких сновидений, а розовые словно намазанные помадой губки дергались, то превращаясь в улыбку, то показывая испуг. Короткая мальчишечья стрижка непослушных темно-русых волос, взбивалась к затылку. Такая хрупкая, подвижная и загорелая. Маленький чертенок, который наконец успокоился.

В кухне послышались шаги. Пожилая женщина прошла в спальню, намереваясь поставить начищенный сервиз.

– О, уснула, неужто она смогла уснуть днем, – старые, мозолистые пальцы дотронулись до лба девочки, – теперь ночью точно не уснет.

– Ничего, у всех такое бывает, лучше не трогай ее, проснется еще, начнет ворчать, как ты, – молодая девушка поспешно вошла за матерью и начала тихо рыться в рядом стоящем комод.

По ним сразу были видны родственные узы. Обе женщины были с болотно-желтыми глазами и одинаковыми по форме, заостренными лицами. Маленькую Лизу редко кто признавал родной им, если не был знаком с ее отцом, который уже как три года ушел из семьи.

– Опаздываешь на работу? – бабушка Лизы подала блестящий синий платок своей дочери. Не смотря на то, что Кристина, мать чертенка, являлась взбалмошной по натуре, любившей ночные уходы из дома и приходы обратно пьяной, она была любима своими старыми отцом и матерью.

За девочкой следили ее прародители. Семья была большой, но тем не менее, ребенок часто жил своей жизнью.

В трехкомнатной квартире находились пять человек, шестилетняя малышка, ее мама, бабушка, дедушка и дядя. Все, кроме Кристины, имели ученую степень. Дядя и дедушка являлись геологами, бабушка преподавала на кафедре Радиологии.

Взаимоотношения редко, когда нарушались и также редко, когда показывали заинтересованность в своих ближних. Трое из пяти всегда были заняты своим делом, а четвертая не видела никого кроме себя.

В дверь послышался грохот вместо стука.

– Миша? – удивилась пожилая женщина, открывая замок.

На пороге стоял очень маленький, похожий на ангела, мальчик, голубо-зеленые глаза, короткие белесые брови в тон вьющимся волосам и тонкий рот, он пытался держать в руках большую коробку конфет, но она постоянно соскальзывала вниз, ударяясь углом об пол.

– Я вернулся, это вам от мамы, а Лиза дома? – одной фразой без обиняков очень старательно нахмутив брови промолвил он.

– Спасибо, любимый, она у себя в спальне, заходи, расскажешь, как на море съездил? – улыбнулась женщина, пропуская мальчика вперед.

Миша ворвался в комнату, от чего разбудил Лизу.

– Ты приехал! – ни капли злости за оборванный сон, девочка кинулась к нему на шею и поцеловала в лоб.

– Это тебе, – довольный ребенок протянул ей в руки большого шоколадного зайца.

Лиза растянулась в улыбке во все щеки и потянула того за руку.

– Давай съедим вместе!

– Ага, – Миша зарумянился, следуя за ней в кухню.

Эти оба были знакомы с рождения и на удивление, росли в тон друг друга, одна защищала другого, а другой обнимал первого. Они напоминали сочетание разрушения и покладистости. Не один раз люди, проходившие мимо, останавливались, что бы посмотреть, как держатся за руки темноволосая, сероглазая, загорелая девочка и совершенно белоснежный, зелено-голубоглазый мальчик.

Это сочетание запоминалось многим.

Сейчас же они ели вместе шоколадного зайца, более напоминая брата и сестру, нежели двух волчат, недолюбливающих окружающих их людей, но даже не замечая этого.

Глава 2

Район, в котором они жили, считался далеко не самым приятным, как для добродушных взрослых, так и для детей. Каждый вечер под окнами слышался пьяный ор, а на утро приходилось шагать между разбитыми вдребезги бутылками.

Лиза часто приводила Мишу на ступеньки или за угол, где показывала довольно большие, не растекающиеся лужи крови, а по вечерам они играли в игру «не попадись убийце», так они называли любого прохожего, громко говорящего в темноте или поющих глумливых подростков. Девочка с детства осознала, что все вокруг ей неприятно, все, кто не был способен держать себя в руках, любящие насилие или унижение, кто не видел никого вокруг кроме себя, да и себя не особо то и видел.

У Лизы с Мишей, кроме их самих друзей не было, они никого не признавали, но частенько играли с дворовыми детьми в салки или стоп землю.

Лиза считалась ребенком, рожденным во вполне благополучной семье. Но она этого не замечала, как многие дети не замечают деньги, которыми хвалятся их родители и считают это первостепенным в иерархии ценностей. То, что ее родственники являлись уважительной единицей общества, были интеллигентными, без вредных привычек, ее ничуть не интересовало. Пока что, без осознания за что именно, она интуитивно отвергала их, чего, кстати, тоже не замечала. Всю ее душу занимал всего один человек, которого она пока не научилась ценить или бояться потерять.

Сейчас они шли по берегу небольшой речушки, все было не как обычно, у Лизы, впервые за долгое время, текли слезы. Что бы хоть как-то разбавить гнетущее молчание и оттянуть разговор, она била по жестяной банке от фанты.

– Лиза, – с сожалением тихо протянул мальчик.

У девочки начались судороги, короткие, еле сдерживаемые всхлипывания. Маленькие кулачки стирали слезы, теперь все лицо было мокрым.

– Почему она ушла, ненавижу ее, – голос задрожал, постепенно она сползала на колени, Миша схватил ее, но вместо того, чтобы поднять, опустил рядом, обнимая хрупкое тельце.

– Не волнуйся, она вернется, она вернется! – у малыша полились слезы и он зарыдал вместе с ней. Ему было так жалко ее, что вместо поддержки, он теперь сам в ней нуждался.

Вокруг начинал расстилаться туман, такой привычный для здешних мест. Он скрыл их от чужих глаз, оставил наедине со своим страданием.

Восьмилетие детей прошло под тенью бросившей своего ребенка матери.

Как говорили многие – любовь на первом месте, а дети на втором.

Глава 3

Прошло еще два года. Солнце озаряло поблекшую комнату. Кровать была уже не так красиво застелена, на мебели больше не заметна рука взрослой женщины. Старуха сидела в кресле, читая медленно стихотворения своего покойного мужа.

Лиза мыла посуду, длинный фартук был ей до самых щиколоток. Она редко переговаривалась с бабушкой, привыкла к молчанию, женщина не любила с ней вести диалог.

За последние несколько лет из их семьи ушло еще двое человек, правда, если та, что ушла первая, могла еще когда-нибудь вернуться, то они никогда. Лизин дедушка умер от лопнувшего в голове сосуда, в его шестьдесят пять такое не всегда можно успеть остановить. Дядя, который был менее любим матерью, чем его сестра, умер от сахарного диабета, после чего вознесен, как самый лучший сын.

– Я закончила, – Лиза отряхнула руки и пошла в комнату, открыв шкаф, начала разбирать потертые от времени свитеры, некоторые уже давным давно пора было выбросить, другие были слишком малы, вытянув один из подобных, она начала натягивать его на себя.

Подранные джинсы, изорванная собаками черная вязаная кофта, дешевые кеды, которые были куплены на ближайшем рынке, и аккуратно расчесанные волосы. Большая часть пенсии, которую получали бабушка и ребенок, уходила за границу, так как Кристина была вечно в долгах, переходя от одного мужчины, к другому. На еду оставалась четверть, если не меньше.

В дверь послышался знакомый стук. К десяти годам Миша перешел к ударам кулаком.

Мальчик на удивление довольно сильно вытянулся, большинство сверстников теперь смотрели ему в подбородок. Голубо-зеленые глаза все так же были наполнены врожденной лаской и добротой.

– Я взял с собой бутербродов, пошли в поле?

Лиза улыбнулась ему, накинула сверху шарф и закрыла дверь. Необходимости предупредить бабушку не было.

Всю дорогу они вели типичные разговоры, которые на следующий день даже не могли вспомнить.

Взобравшись на привычный холм, заросший дикой пшеницей, они расстелили покрывало и легли на спину. Вокруг редко можно было заметить человека. Даже уличные собаки заходили сюда крайне редко. Поле было огромно, давно не обрабатывалось и все чаще называлось пустырем. Вдали можно было разглядеть дорогу и пару-тройку почерневших от времени домов. Дети понимали, что пора идти обратно в тот момент, когда несколько окон зажигались ярким светом – пора ужина или вечернего телевидения.

– Так надоела школа, поскорее бы она закончилась, – вздохнул Миша, после того, как они промыли кости учителям, – может тогда закончатся все проблемы.

– Тебя заставят идти в университет, а если не пойдешь, то проблем станет еще больше, – Лиза раскручивала между пальцами тростинку, стараясь сделать это как можно быстрее.

– С чего ты взяла? Я могу работать всю жизнь в магазине или таксистом, это хорошая работа.

– Тебе на такой работе никогда не будет хватать денег, – Лиза кивнула головой, она была уверена в этом больше всего, – взрослым никогда не хватает денег, если ты будешь таксистом, ты выше не станешь, а если отучишься, то сможешь стать кем угодно, мне так бабушка с первого класса каждый день говорит.

– И кем ты хочешь стать?

– Не знаю, но я хочу зарабатывать очень много денег, помнишь, я рассказывала как в детстве ездила с мамой во Францию, так вот, я хочу все время так ездить и что бы у меня никогда при этом не заканчивались деньги.

– Я тогда тоже так хочу, стану тоже очень много зарабатывать и с тобой ездить.

Лиза засмеялась и перевернулась, бухнувшись всем телом на Мишу.

– Мишка, мы всегда будем вместе? – потянула она за его шелковистые щечки и оскалив при этом зубы, – никогда не разлучимся, всю жизнь только вдвоем проведем.

– Ага, – засмеялся мальчик, в уголках глаз показались слезы, то ли от смеха, то ли от растягивающихся щек, – может даже оба таксистами будем.

Лиза заколотила его в бока, а Мишка, хохоча, пытался хоть как-то обороняться.

За свой смех, они вечно оказывались наказанными или отправленными за дверь класса. Два любящих мир ребенка, но не желающих контактировать с людьми, постоянно получали за свою непринужденность.

Ревность и обида, разве не подобное почувствуют по отношению к ним взрослый человек и ребенок?

Глава 4

Все тот же пляж с побитыми бутылками и погасшими в песке окурками, все та же девочка, рыдающая на коленях. Ее голоса не слышно, она столько времени плачет, что больше не способна произнести ни звука.

Пару часов назад она ушла с кладбища, где похоронили ее друга.

Лучшего и единственного друга за всю прожитую жизнь.

Последние восемь месяцев были сущим адом, она до последнего не верила, что он умрет, каждый день обещала ему не дать перестать дышать, говорила, как заберет с собой в другой мир, где будет вечно светить солнце и звучать веселая музыка. Рак кишечника ужасен невозможностью понять, вырезали тебе все или все же какая-то часть осталась.

Три операции за пол года, невыносимо страшно исхудалое, облезлое от химикатов, тело, свисающее на кушетке.

В день смерти, лежа на мертвом теле, Лиза изодрала себе все горло, надеясь удушиться кровью. Смысла жизни больше нет, кто она без него, к чему пойдет? К чему пришли они вдвоем?

Теперь он так и останется гнить в местной земле, на кладбище, которое всего в нескольких шагах стоит от собственного дома.

Он так и остался в самом холодном и мерзком мире, от которого они пытались сбежать.

Лиза упала на бок, не обращая внимания, налетела ли на иглу или нет, в этом году началась эпидемия СПИДА, можно попробовать заразиться. От шуршания воды появлялось желание уснуть навечно.

Открыв болезненно глаза, Лиза увидела лежащего перед ней медвежонка, дернувшись, девочка рывком встала на колени. Голубо-зеленые глаза смотрели прямо на нее. Новая волна слез захлестнула ее, легкие уже не могли сокращаться, а живот разрывало от физической боли. Прижав игрушку к губам, она хрипло простонала имя мальчика.

Глава 5

С разбитой коленки стекала кровь, ее не останавливала ни грязь на коже, ни подранные джинсы.

Девочка рыдала в голос, стараясь выплеснуть все эмоции, которые сдерживала перед глумливыми одноклассниками.

После смерти прошел всего месяц, его все так же помнили, но после нескольких недель молчания, те, кто его знали, начали в тайную высказывать все противное, что думали о нем. «Он всегда был таким слабым, я и не удивляюсь, он до конца школы просто не мог дожить», «Вы видели, какой он хлипкий, всегда бесил меня, он никогда ни с кем не дружил, кроме нее, вот и получил, что заслужил», «Ну наконец он умер, слишком умным был, хотел своими мозгами похвастаться всегда, да? Вот и на в ответ за наглость».

После третьего урока, Лиза услышала, как его назвали «бледной, мертвой крысой», кулак рванул вперед по инерции, не думая где она, есть вокруг учителя или нет, она набросилась на тех двух ребят. Сила ярости оказалась достаточной, что бы врезать обоим по лицу и в живот, они вцепились в нее, начали выкручивать руки и рвать волосы, замахом ноги она отправила одного в стену, а другому в тот же миг расцарапала лицо. Мальчики заныли, не вставая с пола, Лиза вылетела в коридор, а затем на улицу, курящие подростки смехом провожали ее. На половине пути до дома она зацепилась за бордюр и полетела на дорогу. В миг поднялась и побежала дальше. Теперь же Лиза стояла в закрытом старой швейной фабрикой переулке, где никто не мог увидеть ее.

– Почему ты плачешь? – за спиной стоял молодой мужчина, возрастом под двадцать один, его голос был низким, пронизывающим, сильным, заставляющим сразу обратить на него внимание, – и почему ты не в школе? Может ты потерялась?

– Я подралась, и учителя сейчас будут кричать на меня, я этого не хочу, – засопев, Лиза заставила себя прекратить плакать, – я не виновата, эти оба сами начали, они унизили моего друга, а я его защитила.

– Твой друг должен быть тогда благодарен тебе.

Лиза попыталась сдержать новую волну слез, но сквозь зубы послышался сдавленный стон и она зарыдала.

– Твой друг умер, – покачал головой мужчина, – ужасно, просто ужасно.

В сердце появилась закипающая злость. Бледными, исхудавшими руками, Лиза оттолкнула мужчину и попыталась убежать, но тот подхватил ее и сжал между рук на весу.

– Я стану твоим другом, ты ведь одинока? Я буду за тобой заботиться, готовить вкусную еду, выслушивать и играть во что захочешь.

– Ты мне не нужен, мне никто не нужен! У меня только один друг, и я его не предаю! – девочка вцепилась в его сиреневую гриву волос, пытаясь вырвать из нее клочья.

– А ты хочешь его вернуть? Я могу помочь тебе найти того друга.

Упорство закончилось, костлявые ладони уперлись в жесткую ткань черного костюма.

– Как? Я знаю где он похоронен, а умирать так рано не собираюсь. Ты мне ничего не можешь предложить, – голос Лизы переменился, теперь в нем была слышна тоска, такая бездвигательная и уничтожающая, – я тебе не поверю, не старайся.

– Ну тогда я тебе навязусь, пока ты не смиришься и не поверишь, – мужчина поудобнее для себя усадил ее на руках, – и не смей упираться, я знаю про тебя все и ты от меня не отвертись.

Зажав Лизе рот и руки, он последовал знакомой ребенку тропой.

Часть 2

Глава 6

Смуглые, тонкие ручки перетирали кружевные тарелки. Длинные, выкрашенные в пепельно-коричневый цвет волосы, спадали прядями на лицо, заставляя постоянно себя поправлять. Ну конечно, их длина была ниже лопаток, уже ни раз обрезанные, они спустя столько лет наконец смогли пройти границу плеч.

Лиза, казалось, совсем не изменилась. Она все так же напоминала хрупкую куклу, которую легко сломать, с загорелой кожей, вечно распущенными волосами, в уже по моде подранных джинсах и однотонной майке или свитере. По лицу всегда было понятно, что она чувствует, а тело постоянно выдавало ее личную подвижность и юркость.

В свои девятнадцать, она не имела из семьи больше никого, кроме матери, которую, впрочем, не видела после оглашения завещания умершей три года назад бабушки. Сейчас она жила уже в собственной маленькой квартире, купленной на доставшуюся ей треть старой квартиры, и ездила на дедушкиной машине, подранной белой тойоте, купленной, когда она была еще ребенком.

Сзади, за деревянным, массивным столом сидел Апрель. Густая сиреневая грива, похожая больше на шерсть, чем человеческие волосы, темно-синие глаза, молочно-белая кожа, мягкая на ощупь, скрывающая тугие мышцы, выделяющиеся по всему телу. Кончики пальцев имели тот же оттенок, что и пряди, прямо сейчас они набирали текст курсовой Лизы. Вместо того, что бы просто заменить непонравившиеся ему слова, он полностью перепечатывал текст на свой лад, а споры и недовольство полностью опровергал.

– Господи, ну как в наше время люди так слабо используют свой лексикон, когда закончу, я заставлю выучить тебя каждое написанное мной слово.

Лиза, поставив на стол две глубокие тарелки с рисом и отваренными овощами, села рядом и начала вчитываться в текст.

– Ты пишешь слишком скучно, любой человек заснет, начав читать только вторую страницу. Может у меня и не получилось с первого раза создать достаточно интересную тему, но я вполне могла все обработать еще раз, а ты полностью лишил меня такой возможности.

– Я хочу показать тебе, как должна выглядеть статья самого высокого уровня, ты сможешь получить хорошее понимание некоторых тонкостей, что поможет тебе в будущем написании.

Они жили вместе с Лизиного одиннадцатилетнего возраста, Апрель постоянно спал то на кресле, то в шкафу, то в углу кровати, его ни разу даже никто не заметил. После смерти бабушки, они перестали скрывать взаимосвязь, переехав на другой край Москвы, просто притворились двоюродными братом и сестрой.

Сейчас девушка училась на очно-заочной форме факультета Экономики и Финансов. Впервые за долгие годы она смогла снова сходить с людьми, нашла пару друзей, хорошо общалась с большинством одногруппников.

Апрель работал в пекарне, в две смены два дня, пока его новоиспеченная двоюродная сестрица спала на парах.

За столько лет они стали родными друг для друга, но Лиза так и не смогла дать название столь странным взаимоотношениям.

Зайдя в спальню, она залезла в огромный, темно-зеленый платяной шкаф, где по большей части лежали старые, затертые книги, чем обычная одежда.

Вытянув белый, с высоким горлом, вязаный свитер, она быстро натянула его поверх майки. Мертвенно серые глаза наткнулись на синий шарф, лежащий поверх стопки поглаженной одежды. Накрутив его на руках, Лиза тихо подкралась к Апрелью.

– Убью тебя! Убью! Всю жизнь нотации читаешь! Вааа! – девчонка стала душить сидящего, крепко ухватившись на всякий случай локтями.

Апрель с легкостью поднялся и нагнулся вперед, заставляя убивающего оказаться у него полностью на спине.

Ворвавшись в спальню, он скинул Лизу на кровать, а сам сорвал с себя рубашку.

– Действительно, мы слишком сегодня засиделись, – он потер шею и кинулся на нее, – ты хорошо одета? – остановился всего в нескольких миллиметрах.

– Ага, – Лиза заулыбалась, оскалив специально зубы и оттолкнула его. Он подошел к красному шкафу напротив и вытянул костюм из жесткой материи, – одень шарф, устала, что ты ничего никогда дополнительно не одеваешь, а потом мерзнешь.

– Я никогда не мерзну.

– Ну конечно, – стянув со стула сумку, она пошла складывать в нее еду.

Через пятнадцать минут они уже вышли из дома и шагали по мокрой, от постоянных дождей, улице.

Уходящие в беспамятство разговоры. Постоянная взаимопомощь. Открытая фантазия и улыбки. Они так живут очень давно. Они смогли так спасти друг друга.

Лиза и Апрель пролезли через знакомую дырку в заборе и набирая обороты, направились к рельсам. Поезд уже начал двигаться. Не заволновавшись ни на секунду, девушка запрыгнула на закоптившуюся лестницу. Апрель уже был на крыше и протягивал руку, он вытащил ее к себе, отряхнул и посадил рядом.

Они ехали сквозь всю Москву, вокруг частично горели искусственные огни, слышен шум моторов машин и оклики людей.

Лиза лежала на спине. Вся ночь проходила сквозь нее, обволакивая встречным ветром и нагнетающей синевой. Редкие от постоянного дыма и смога звезды казались украшением театра, нежели реальностью. Ты был внутри картинки, изолирован от человеческого недовольства, всепоглощающей депрессии. Как часто они так ездили, два исключения общества, девушка, интересующаяся миром, как книгой, и парень, видящий только ее вместо мира всего.

– Знаешь в чем заключается смысл жизни? – к небу протянулась тонкая ладонь, заставляющая потоки воздуха проходить сквозь ее пальцы, – я наконец поняла, в чем он состоит, нужно просто перестать видеть прошлое и будущее, и не помнить ничего, кроме сегодняшнего дня, надо только делать, постоянно что-то делать и думать, и тогда все будут счастливы, а воспоминания хранить в заветном счастливом месте, глупость исправлять и извиняться, – за все годы Лиза постоянно злилась на то, что люди называли чувствами, любовь и дружба были для нее странными значениями, после смерти Миши она перестала осознавать окружающие эмоции, пройдя через продолжительное отрицание, затем резкий эгоизм, а после полноценную самоотдачу, она наконец получила умиротворение. Благодаря Апрелью, девчонка не выросла обозленной, много получала по голове, училась быть достойным человеком, не переполняться глупости, мыслями, переходящими из крайности в крайность, и социофобными, эгоистичными действиями.

– Давно осознала? – Апрель сидел рядом, смотря далеко вперед, но слушая внимательно.

– Где-то год назад. Даже больше.

– Почему не говорила.

– Хотела полностью это прочувствовать и утвердиться.

– Я это заметил. Молодец, теперь я даже начал воспринимать тебя взрослым человеком, – усмехнулся он, – хотя ценил я тебя всегда и не смей ничего себе надумывать.

Перед глазами заблестели огромные окна огромных высоток.

Не говоря ни слова, они выпрыгнули с замедляющегося поезда на гравий, довольно болезненно и привычно, после чего спокойно пошли к подсвеченному входу.

Через пару минут они уже были на крыше. Перед глазами расстился целый мир огней, ярких, мигающих, огромного количества оттенков золота, они переливались, двигались, расплывались и сужались. Ощущение, будто ты находишься на вершине облаков, в мертвом мире и наблюдаешь за скоротечной, слепой жизнью, в которую так и хочется заглянуть.

Апрель сел у края и, посадив Лизу к себе на колени, сжав ее в объятиях, начал рассказывать истории, которые давным давно произошли с ним. Лиза облокотилась ему на грудь и, внимательно слушая, стала разглядывать так знакомые по сему виду окрестности.

Мир все так же был создан только для них одних. Двадцатиодинлетний Апрель ничуть не изменился за все годы, его возраст не возрос за восемь лет, он также был неподвижен во времени, как и реальность Лизы.

Глава 7

– Ну почему этот дебил дает нам каждую пару самостоятельную? – парень, с серьгой в ухе и обстриженными под ноль волосами, рвал на кусочки листок со слабой оценкой подписанной в уголке.

Один из двух друзей Лизы, тот, что на данный момент был немного агрессивен, имел имя Максим, учился довольно хорошо, был добрым, но все его побаивались из-за внешнего вида, видимо бритая под ноль голова, всегда потертая, потянутая одежда, и злой взгляд не вызывали положительного впечатления. Второй, сидевший четвертую пару подряд в нетбуке, Сергей, был высоким, бледным, вечно изучающим программирование, ради своего большого будущего, сейчас наконец-таки оторвался от экрана и поедал огромный ролл.

– У меня все отлично, я эту тему заранее изучил, – Сережа, медленно вытаскивая средний палец, дожевывал лаваш с колбасой, – а ты, сам дебила кусок, мог бы и в интернете получше покопаться.

Только Макс открыл рот послать друга, как в аудиторию впорхнула старенькая, очень активная бабулька и объявила, что последнюю пару отменит, если группа, состоявшая из двадцати человек, напишет два теста, оставленных преподавателем по идущему по расписанию предмету.

Максим со стоном потянулся за ручкой, забыв унижить рядом сидящего.

Через час троица вышла из запыленного здания и направилась к метро. Остановившись, Лиза глянула на клумбу с однотонной зеленью, где сейчас сидел Апрель и недовольно резал ее взглядом.

– Ты почему так рано освободилась?

– Преподаватель не пришел, нам дали тесты, мы решили, и нас освободили.

Жесткие губы недовольно скривились, после чего Апрель теплой рукой схватил за загорелое запястье и потянул за собой.

– Эй, не надоело за ней приходить каждый день? Думаешь, сделаем что плохого? – помаhal рукой Сережа, – тогда мы постараемся во время пар!

– Так не жалко калеккой остаться? – зарычал Апрель, таща Лизу в переход.

– День не удался? – пройдя по карточке в метро, девушка взглянула на схему, создавая мысленно план на ближайшие пару часов.

– Ненавижу эти смены, приходишь в четыре утра, а из посетителей только пьяный патриот и парочка, пытающаяся переспать прямо на стуле.

– Так возьми время попозже, незачем вставать в три, что б в четыре начинать всех ненавидеть.

– Я ради тебя стараюсь.

– Что бы из университета встретить?

– Что б тебя не облапал кто, предложив после учебы в ближайший парк прогуляться.

– Я разумная.

– А я так не думаю.

Попытавшись вытянуть руку, Лиза только в лишний раз спотыкнулась и полетела вниз. Быстро подхватив, Апрель крепко сжал ее и подошел к краю перрона, где уже стоял поезд, усадив Лизу рядом с собой, он железно вцепился пальцами ей в плечо.

Смирившись уже в который раз, девушка стала рассматривать рекламные акции и брошюры в театр.

– Апрель.

– А?

– А как я замуж выйду, если ты меня так оберегаешь?

– Ты никогда не выйдешь замуж.

– Я довольно давно хочу секса и отношений. Даже не знаю чего больше. Что прикажешь делать, если ты с меня глаз не спускаешь?

Апрель зло посмотрел на подчиненную и холодно отвернулся, притворяясь, будто рассматривает рядом сидящих.

– Если тебе это нужно, то я тебе это дам. Но ни с каким парнем не отпущу. Ты слишком мало знаешь о людях.

– Благодаря тебе.

– И это к лучшему. Лучше быть в неведении, чем грязным и униженным.

Женский голос объявил нужную станцию, и они вышли. Ночная жизнь уже не привлекала, как раньше, хотелось света, солнечного и теплого. От ночного неба постепенно появлялась усталость, хотя раньше, наоборот, мог чувствовать себя легко и свободно.

Правда сейчас подобное желание было запоздалым. На улице практически стемнело, хотя воздух еще был наполнен теплом.

Пройдя несколькими улочками, они вышли к фонтану с узорчатыми лавочками вокруг. Вода давно не шумела. Да и людей вокруг не было. Странно, а ведь центр города. Хотя чему удивляться. Слишком много вокруг мест, которые и не заметны с первого взгляда, тихие, молчаливые, различимые только от света, падающего из окон.

В центре города, укрывшись одеялом, они легли на одну из лавок, даже уже и не пытались различить звезды. Все небо было застелено дымом, который превращал весь город в серый холст.

– Мне нравится этот город. Такой шумный, холодный, одинокий. Он помогает тебе отгородиться от всех, уйти в свой мир, заставляя осознавать, кто ты. Правда после ты вероятнее всего станешь единицей этой всенарастающей депрессии. Так легко и все же тяжело жить. Ты имеешь перед ногами весь мир, но ни капли не понимаешь, что с ним делать, ибо рядом нет людей, чьи сердца ты любишь и которыми любим, – Апрель закрыл глаза и обнял Лизу, – ты видела, как мало здесь счастливых семей? Как мало друзей и примеров доброты и заботы? Будь я не настолько эгоистичен и самовлюблен, мы бы уехали. Но боюсь, в каком-нибудь мелком городишке или даже деревне, меня не поймут правильно и будут доставать тем, что в твоём возрасте рожают, в моем уже главу семьи строят, заговаривать о том, куда работать лучше податься, столяром или продавцом в обувной, а еще спрашивать, где наши родители, точно ли брат и сестра, и сплетничать.

– Тебе в любом случае надо держаться от людей подальше, иначе только нервы испортишь. Ничего, купим когда-нибудь дом подальше от города и будем туда приезжать почаще.

– Так и сделаем. Будет мне подарок на все дни рождения сразу, – Апрель повернулся к Лизе и обнял, – обвяжи его красной ленточкой обязательно.

– Нет уж, это будет подарок только на один праздник. В будущем мы обязаны хорошо зарабатывать.

– Не мы, а я. Будешь дома сидеть и печенье готовить. А я работать за двоих.

– Ты от меня никогда не отходишь. Сможешь на работу тогда выйти?

– Буду брать с собой в чемодан, – усмехнулся Апрель.

Они так и пролежали до поздней ночи, пока наконец не увидели сквозь смог бледную луну.

Глава 8

– Ну наконец-то, – довольный Максим набивал уже свой номер телефона в строку покупки через интернет, – думал вообще не придет, надо же, получили даже больше, чем в прошлый раз.

Дотация в размере двадцати пяти тысяч рублей светилась своими цифрами с недавно-пришедшей смски.

– Что собираешься с деньгами делать? – Сережа повиснул на стуле, уставившись на подругу с интересом.

– Мы сейчас на море откладываем, хочу в Хорватию недели на две, Апрель не против, – Лиза пробила в поиске один из городов, – в Дубровник, спокойное тихое место, с местными небольшими достопримечательностями и возможностью выехать в другие страны на экскурсии.

– А я потрачу все на очередной новенький смартфон, буду рад где-то пол года, а потом снова стану недовольным, – парень сел рядом, взглянув в экран друга, – а ты все так же не меняешься, новые наушники, ежедневный фастфуд, приставка?

– Примерно так, ну а что, если мне хочется, я не могу купить? Вспомни про свой смартфон. У меня хоть развлекательная программа на первом месте, а не удовольствие улучшенным экраном.

Пререкания. Свойственно для них. Довольно приятно жить в такой суматохе.

После пар, Лиза отправилась спокойным шагом к дому, расстояние всего несколько километров, в этот раз Апрель остался дома готовить ужин, сегодня купил невероятно полюбившиеся ему приправы, печатал сообщения с бешеной скоростью, о том как не встретит, как он рад покупке и какой отличный ужин приготовит.

Через дорогу виднелся универмаг. Зайдя внутрь, девушка напрямик двинулась в отдел сладостей.

– И что ему в вас нравится, – взяв самую большую коробку конфет из горького шоколада с вишневым ромом внутри, она направилась к кассе, такие даже сама не попробуешь, только отплевываться начнешь.

В любимой квартире, которую в отличие от предыдущей наконец можно назвать домом, светился яркий свет, знакомая фигура стояла за столом и что-то нарезала к ужину.

Открыв дверь, Лиза на цыпочках подкралась к Апрелью и, привычно нацелившись, прыгнула к нему на спину. Дернув, высокий мужчина, обхватил ее руки и завертелся.

Руки в какой-то момент опустились и снова сомкнулись, но уже на шее.

– Я дотацию получила, – засопела она, – а это тебе, – вытянув из сумки коробку конфет, Лиза протянула ее Апрелью.

– За что? – удивился он в ответ.

– Да просто, ты же их любишь, каждый месяц покупать дороговато, но иногда ведь можно, особенно, когда деньги просто так приходят.

Апрель смущенно взял подарок.

– Лиза, знаешь, я ведь тебя очень сильно люблю.

– И я тебя очень сильно люблю.

Сжав за плечи, он прижал ее к себе.

На кухне раздавалось рычание духовки, готовящей запеченную картошку с мясом.

Глава 9

Через жесткие, белые шторы, просачивался только оттенок того, что находилось за стеклом. Желтые огни города часто раздражали обоих, привычка закрывать окна пришла еще в детстве и так и осталась.

Апрель встал с кровати и прошел в кухню, налив стакан воды, он лег на диван и размял рукой шею. Белая, молочная кожа ярко выделялась на фоне ночного неба, с этой стороны дома царила настоящая ночь, без огней и шума, без моторов гоночных машин и людского смеха. Единственным, что оставалось в этой ночи, была та самая луна, за которой они наблюдали пару дней назад. Она казалась чем-то одушевленным, будто могла дать наставление или покровительство. Впрочем, так оно и оказалось. Не зря его фамилия имела ее образ. Лунный Апрель, тот, кто не желал вспоминать прошлого и боялся будущего.

Подойдя к окну, он сел на подоконник. Идеальный оттенок серебра, лежащийся ему на кожу, делал его похожим на мертвого, не подходящего для этого мира, человека. В меру накаченное тело, было достаточно исхудалым, скулы, ключицы, бедренная кость и ребра слегка выделялись отгнетая и превращали его похожим на мраморную куклу. Темно-сиреневая грива спускалась по одному плечу, доходила до грудной клетки и слегка рассыпалась от наклона. Синие глаза казались дверью в тот мир, где всегда царила луна.

– Апрель? – сонный голос раздался из спальни.

Опустившись на холодный пол, он тихим шагом дошел до кровати и встал на корточки рядом.

Лиза потирала глаза и все время норовила опять упасть на подушку.

– Приснился плохой сон?

– Да, ничего если я усну с тобой, – бледные пальцы опустили на горячую щечку и потеряли ее.

– Угу, – не подумав подождать, Лиза снова уснула, зажав между локтями голубоглазого медвежонка.

Тихо, стараясь не помешать, Апрель лег за ее спиной и нежно обнял за талию. Зарывшись носом в волосы, он погрузился в небытие.

– Черт, я забыла студенческий в универе! – Лиза вывернула верх дном всю сумку и пыталась все еще найти.

– Ничего, заберешь в следующую пятницу, – Апрель спокойно пил кофе и читал газету.

– Ну уж нет! Я хотела сходить в кино, еще в музей с друзьями собиралась, да и многие кафе и магазины по студенческому скидку делают!

– Надеешься потратить все полученные деньги сразу?

– Надеюсь сэкономить!

Собрав обратно сумку, она быстро одела джинсы и натянула свитер.

– Я иду в универ, заберу документ и сразу вернусь.

– Ладно. А после начнем генеральную уборку.

– Сегодня ж воскресенье, – обиженно, воскликнула она, не намереваясь включать подобное в свой график, – зачем ты меня расстраиваешь?

– Надо помыть окна, отдраить кухню, перестирывать все белье и развесить. Ты разве не хочешь жить в чистоте?

Лиза на цыпочках пробралась в коридор и захлопнула дверь.

– Все равно от меня не сбежишь! – крикнул Апрель в догонку убегающей.

Спустя два часа сереновополосый парень устало посмотрел на часы. Слишком уж задерживается. Набрав номер, ему ответил холодный электронный голос. Уголки рта недовольно

поползли вниз. Одевшись, он вышел за ней. Дойдя до университета, Апрель выискал глазами охранников и быстрым шагом пошел к ним.

– Здравствуйте, к вам случайно не заходила девушка за студенческим билетом, метр семьдесят ростом, с темными волосами, в белом свитере?

– К нам сегодня никто не заходил, – вертя ключами, толстый дряблый охранник окликнул старого товарища позади, – Петрович, к нам сегодня никакая девушка за студенческим не приходила?

Он снова набрал номер, все тот же голос вместо нее ответил ему.

– Черт!

Выйдя из здания парень остановился на ступеньках.

Телефон никогда не отключала. В университет обязательно зашла бы. Глупости делает редко.

На сердце похолодело.

Апрель сорвал с шеи кулон с переливающимся тусклым синим сиянием изнутри.

Все сходится, девятнадцатилетняя девушка, уже достаточно развитая, прожившая с ним душа в душу немалое количество лет.

Колпачок слетел с неприятным писком. Из горлышка пополз застилающий все и вся туман.

Есть только одно место, где она может пропасть, Родовое поместье, дом украденных вещей.

Глава 10

Был в деревне один молодой, сильный и красивый мужчина. Девушки так и висли на нем. Да кому он и не понравится, мало того, что креп телом, обаятелен, так еще и ужасно богат. Лазил он по скалам, пролезал в те ущелья, куда ни один нормальный, здоровый мужик с головой на плечах не ступит, выискивал нужную породу и добывал драгоценные и полудрагоценные камни. Многие бы так хотели, но страх за жизнь, боязнь умереть меж пластами, зайти так глубоко во всепоглощающую темноту на огромной высоте, нет, таким был только он. Весь местный народ, которого было не особо много, только бортничеством да урожаем занимался.

Часто слухи об этом мужике ходили, мол и не человек он вовсе, не живой. Бывало уйдет ночью, будто по зову какому, а на утро с малахитовым мешком возвращается. Или с животным каким разговаривать начнет, сам по себе. Сидит среди травы, истории местной шавке рассказывает.

Молодые парни частенько придумывали ночные сказки, где человек крепкий телом, с рубашкой чистой, да порванной, по лесу разгуливает и медведей ищет, а как находит, отдает нечто перевязанное и уходит. Или шагает тенью по деревне и всем в окно заглядывает, а глаза красным светятся и жертвы новой желают, что бы снова с мешком набитым после придти. Так они хотели девушек испугать, что бы не смотрели те на красавца богатого.

Честно говоря, хороший он был человек, ночью уходил, чувствуя сердцем, что что-то найдет, в новом веке его бы за такое романтиком назвали. С собаками да кошками тоже часто разговаривал, любил он слушателей верных, кто никому после не разболтает, да и вопросов задавать не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.